

Фактически, после того, как Хэ Юньсяо прошел обязательное обучение, у него было достаточно знаний что бы он мог перевернуть литературный мир Империи Ци, он также мог начать свой собственный литературный расцвет.

Причина, по которой он заставил Чу Сяосяо так долго ждать, заключалась не в том, что он намеренно подыгрывал Чу Сяосяо. А в том, что в его голове было слишком много бесподобных стихотворений, и ему было трудно выбрать.

Например: "Цветение цветов приводит в движение столицу", "Превращаясь в пыль", "Темный аромат, плывущий в лунных сумерках"... Это лишь некоторые из самых известных стихотворений в Китае, и они могли бы напугать здесь всех до чертиков. .

Однако эти стихи были слишком хороши что бы они исходили от невинной девушки, такой как Чу Сяосяо, у которой не было прошлого и которая была невинна, они были не очень правдоподобными.

Хэ Юньсяо порылся в своих воспоминаниях и, наконец, в последний момент нашел стих, подходящий для Чу Сяосяо!

Посреди взглядов всех в Особняке Весеннего Бриза потрясающе красивая молодая девушка Чу Сяосяо открыла рот, чтобы произнести песню, которую можно петь тысячу лет в любое время и в любом мире, "Сорванная слива мэй".

«Ароматный корень красного лотоса и аромат сплетенной из нефритовой травы осенью, слегка расстегиваю халат, одна на лодке с орхидеями. Кто посылает парчовое письмо в облаках? Когда гуси возвращаются, луна заливаает западную башню. Цветы плывут, и вода течет сама по себе. Невозможно развеять это чувство, но только когда брови опущены, сердце поднимается».

(переводчик: вообще кому интересен стих я в комментариях нормальный оставил)

Когда прозвучало это стихотворение, весь зал замолчал.

Слова Чу Сяосяо эхом отдавались в ушах, сердцах и умах всех, как будто они были волшебным звуком, обвивающим их уши.

Некоторые люди с литературными способностями, такие как Ян Чжэ, Лю Фейюнь и Ян Ци, бормотали себе под нос, стараясь изо всех сил понять значение слов.

У тех, кто чувствовал то же самое, например у некоторых женщин, даже у девушки с красным клеймом напротив Хэ Юньсяо, из уголков глаз текли слезы.

Для тех, кто не силен в литературе, таких как Те Вэйци, даже если они не могли суть, они все же могли чувствовать чувства, переданные словами в буквальном смысле.

Женщина, томьящаяся от любви, стоит в лодке на озере и смотрит вдаль.

Такого рода картине, трудно не огорчить и не разбить сердца людей.

Наблюдая за очарованными лицами присутствующих людей, Хэ Юньсяо был немного озадачен.

Упс? Было ли оно слишком мощным? Не может быть, верно?

Когда я учился в средней школе, хотя я и расчувствовался, когда увидел это стихотворение, все

было в порядке. Не так уж и плохо, что все хмурились и ничего не говорили, верно?.

Через несколько мгновений Хэ Юньсяо понял, что его чувства не были сильны, потому что он родился в современную эпоху с автомобилями, скоростными поездами, самолетами и интернетом, и он не понимал, что такое “любовная тоска”.

Люди Империи Ци жили в ту же эпоху, что и Ли Цинчжао, первоначальный автор поэмы. Без быстрого транспорта и удобного интернета все было медленно и далеко, только долгие мысли и глубокая любовь.

Затем Хэ Юньсяо внезапно понял, что он недалекий.

Кто сказал, что у современных людей нет любовной тоски?

Разве еще не осталось современных людей, у которых была безответная любовь?

Думаю, тогда я тоже был мужчиной, безответно любившим несколько молодых девушек одновременно.

Как раз в тот момент, когда Хэ Юньсяо думал об этом, он внезапно обнаружил, что есть человек, который был таким же свободным и непринужденным, как он сам, не поддающийся эмоциональным отголоскам поэтического настроения.

Этим человеком был не кто иной, как Ли Цзинь!

Ли Цзинь оглядел всех с опущенными лицами в замешательстве, несколько не зная, что делать.

Когда он увидел Хэ Юньсяо, которому тоже было нечего делать, он спросил Хэ Юньсяо: «Что с ними такое?»

Хэ Юньсяо сказал: «Стихотворение в конце слишком сильное, у них немного кружится голова от стихотворения, просто дай им время»

Услышав это, Ли Цзинь обрадовался.

«Эй! Я так быстро поправился, значит ли это, что я талантливее их? Нет, я должен поторопиться и записать это стихотворение. В следующий раз, когда я увижу свою кузину, я расскажу ей о моем таланте не теряя сознание от стихов, чтобы она тоже была счастлива».

Также ничего не понимающим человеком была Чу Сяосяо.

Она впервые взяла на себя инициативу передать свой голос Хэ Юньсяо.

«Что это за стихотворение?»

Хэ Юньсяо сказал: «Это о женской тоске по любви».

«Ты написал это?»

Хэ Юньсяо сказал: «Я не писал это, я позаимствовал».

«У кого ты его позаимствовал?»

Хэ Юньсяо сказал: «Ли Цинчжао».

«Она тебе нравится?»

Хэ Юньсяо объяснил с кривой улыбкой: «Как бы это сказать, она талантливая женщина, и она мне немного нравится, но больше всего я ей не нравлюсь. Кроме того, это невозможно для меня и для нее.»

Чу Сяосяо холодно взглянула на Хэ Юньсяо.

«Мусор.»

Хэ Юньсяо...

Через некоторое время все вернулись от своих сентиментальных переживаний, и, в отличие от прошлого раза, когда Ян Чжэ написал стихотворение, на этот раз никто даже не оценил слова.

На самом деле не то чтобы они не могли, а то, что они не осмелились.

Любой мог сказать, что это стихотворение было большим литературным достижением.

На этом уровне комментировать это без разбора означало бы только насмешки для будущих поколений.

Фраза «Нет способа устранить эту любовь, только когда брови опущены, сердце поднимается» — броская народная фраза, которая бьет в самое сердце. но это также и выражение боли тоски, которой, боюсь, нет параллелей ни в прошлом, ни в будущем.

«Сестра Ду, могу я спросить, засчитываются ли мои короткие слова?» раздался сладкий и мягкий голос.

Все вдруг осознали тот факт, что автором этого стихотворения на самом деле была замечательная молодая девушка?

Они думали, что только Чу Фань был гением, но, к их удивлению, один из них был непобедим в боевых искусствах, а другая — в литературе, они были просто парой демонов.

Ду Иньюнь была хорошо образована в области поэзии с юных лет, и только с точки зрения поэтического мастерства она была даже выше Ян Чжэ.

Но, столкнувшись с этим стихом "Сорванная слива мэй", она ни в малейшей степени не смела быть легкомысленной.

Она поспешно ответила: «Подожди минутку, сестра». Затем она обсудила это с Цзян Ую и остальными.

Результат обсуждения оправдал все ожидания, поставив Чу Сяосяо оценку «отлично».

В этом раунде поэтического конкурса, хотя большинство из них выдержали испытание, было ясно, кто лучше, а кто хуже.

Наконец, после впечатляющего выступления Чу Сяосяо, давление Хэ Юньсяо усилилось.

Хэ Юньсяо тоже встал со своего места, когда нужно было отвечать.

Он снисходительно посмотрел на немногих присутствующих.

Здесь собрались люди с различным мировоззрением.

Встревоженные глаза Ду Иньюнь и Цзян Ую не нуждались в объяснении.

Но ситуация со стороны конкурсантов была еще более захватывающей.

Во-первых, Ян Чжэ, посмотрел на него довольно насмешливым взглядом, как бы говоря: Хэ Юньсяо, с Чу Сяосяо и мной, как жемчужинами, перед тобой, взвесь собственный уровень и сдавайся как можно раньше, чтобы не строить из себя дурака.

Лю Фейюнь, занявший второе место, посмотрел на него с улыбкой, как будто он с нетерпением ждал, какая слоновая кость выйдет изо рта Хэ Юньсяо, развратника, который обычно не имеет ничего общего с учебой.

Четвертое место, Те Вэйци, его взгляд был то ярким, то темным, его было трудно понять. Но Хэ Юньсяо неожиданно увидел в этом немного скрытое ожидание. Может быть, он думал, что я могу изменить ситуацию?

Пятое место Шэнь Куан, взгляд этого ребенка был немного разочарован. Может быть, он сожалел о том, что заступился за Чу Фаня?

Шестое место Ли Цзинь, этот Ли Цзинь такой странный, да? Почему он так счастлив без всякой причины?

Наконец, на девятом месте была Чу Сяосяо, которая сидела рядом с ним.

Это был первый раз, когда Хэ Юньсяо как следует посмотрел на Чу Сяосяо в таком хорошо освещенном помещении.

Несмотря на то, что Чу Сяосяо много раз мучила его, он должен был признать, что Чу Сяосяо действительно красива.

В шестнадцать лет фигура Чу Сяосяо не была такой сладострастной, как у сестры Цзян Ую, а ее темперамент не был таким хладнокровным, как у Ду Иньюнь. Но ее черты очень хорошо сочетаются друг с другом. Небольшое движение, небольшое изменение испортили бы это чувство гармонии, столь естественное.

Когда она улыбается, ее брови приподняты, как будто она живой и милый маленький эльф. А когда она была невыразительной, у нее была аура женщины-демона, правящей миром.

Хэ Юньсяо уставился на правую руку Чу Сяосяо. Следы от зубов на ее правой руке были негласным секретом между ними двумя.

Заметив взгляд Хэ Юньсяо, Чу Сяосяо спрятала правую руку в рукав, а затем уставилась на Хэ Юньсяо.

Хэ Юньсяо счел забавным, что взгляд исходил от "Сяосяо", а не от "Чучу".

Так что вместо того, чтобы быть угрожающим, это было мило.

Служанка с вышитым платком встала перед Хэ Юньсяо и напомнила ему: «Молодой господин Хэ, время почти истекло, вы хотите сдать?»

Хэ Юньсяо глубоко вздохнул и сказал: «Нет».

Бесчисленные взгляды теперь были направлены на Хэ Юньсяо, который медленно открыл рот и произнес четыре слова.

«Цветы расцветают, как огонь...»

Ду Иньюнь и Цзян Ую вздохнули с облегчением. Несмотря ни на что, с такими словами, которое казалось идиомой, они могли бы слегка поддержать Хэ Юньсяо и считать это пропуском.

Но, к удивлению всех присутствующих, Хэ Юньсяо не закончил свою речь!

Уголки его рта изогнулись в улыбке, и Хэ Юньсяо не чувствовал ни малейшей возможности проиграть.

Вы думаете, что Лао-цзы один? За Лао-цзы текущая река, которая течет уже пять тысяч лет, и каждая капля ее воды — это квинтэссенция мудрости десяти тысяч людей!

Как вы можете сравниться с Лао-цзы?

Затем Хэ Юньсяо произнес следующие четыре слова.

«Цветы расцветают, как огонь, а также как одиночество».

<http://tl.rulate.ru/book/87329/2826625>